

БИО
ГРАФИЯ

Гилберт Кийт Честертон

Святой Фома
Аквинский

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Гилберт Кийт Честертон

Святой Фома Аквинский

Серия «Биография (ФТМ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134395
Святой Фома Аквинский: ФТМ; Москва; 2019
ISBN 978-5-4467-1424-7

Аннотация

«Считается, что книгу сжечь трудно, а уж тем паче ту гору книг, которую подарил христианству великий доминиканец. Поневоле подумаешь о конце света, когда представишь, сколько содержится там общественных и нравственных разных истин», – говорит нам английский писатель, журналист и философ, рыцарь Гилберт Кийт Честертон (1874–1936) в своем биографическом труде о святом Фоме Аквинском. Это фактически энциклопедия, в которой писатель делится с читателем самым мировоззрением великого святого – как избегать крайностей в суждениях, можно ли научиться выбирать меньшее из зол и хранить верность избранному пути, что есть власть и в чем заключается человеческая слабость. Благодаря писателю до нас дошло Слово истины и древней мудрости, та философия, что соединяет прошлое с будущим.

Содержание

Вступление	5
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Гилберт Кийт Честертон

Святой Фома Аквинский

© Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

*Дороти Коллинз, без чьей помощи автор был бы
еще беспомощней, чем обычно.*

Вступление

Эта книга – только популярный очерк о великом человеке, который еще не слишком популярен у нас. Она достигнет цели, если те, кто едва ли слышал о святом Фоме Аквинском, захотят прочитать о нем другие, лучшие книги. Вынужденная краткость ведет к определенным последствиям, о которых я хочу предупредить сразу.

Во-первых, я пишу в основном для тех, кто не исповедует веру Фомы; я обращаюсь к тем, кому он интересен, как интересны мне Конфуций или Магомет. Но, рассказывая о нем, неизбежно приходится рассказать и о тех, кто думал не так, как он. Если пишешь о Нельсоне для иностранцев, нужно писать о том, что знает любой англичанин, и отбросить подробности, которые англичанин хотел бы знать. Однако будет трудно обойти тот факт, что Нельсон сражался с французами. Бессмысленно писать о святом Фоме, умалчивая о том, что он сражался с еретиками, хотя это может повредить тому, ради чего я пишу. Смею надеяться, что те, кто считает меня еретиком, не посетуют на меня, если я выражу свое мнение, тем более если я выражу мнение моего героя. Как бы то ни было, я скажу раза два, что раскол XVI века¹ был запоздалым мятежом пессимистов XIII, когда пуританство Авгу-

¹ Раскол XVI века – Реформация, пессимизм XIII века, – ересь альбигойцев.

стина едва не победило свободу Аристотеля². Если я этого не скажу, я не смогу показать место моего героя в истории. Но рисую я фигуру на фоне пейзажа, а не пейзаж с фигурками.

Во-вторых, в таком простеньком очерке я вряд ли скажу много о философе – в лучшем случае я дам понять, что у него была своя философия. Теологию его вообще изложить невозможно. Одна знакомая дама раздобыла книгу выдержек из святого Фомы и, преисполнившись надежд, углубилась в раздел под невинным названием «О простоте Бога». Потом отложила книгу, вздохнула и сказала: «Если это простота, что же такое сложность?» При всем почтении к ученым изданиям Фомы я не хочу, чтобы мою книгу откладывали со вздохом. Очерк жизни святого – введение в его философию, философия – введение в теологию. Мне дано немного: я помогу читателю взойти на первую ступень.

В-третьих, я не спорю с теми, кто перепечатывает страницы средневековых демонологий, надеясь устрасшить чи-

² Пуританство Августина едва не победило свободу Аристотеля – Честертон имеет в виду спор о свободе воли. В учении Августина большое место занимает представление об изначальной греховности человека, о предопределении его судьбы. В XVI веке оно было односторонне развито одним из ответвлений протестантизма – кальвинизмом, или пуританством, как его называли в Англии. Пуританство отказывает человеку в свободной воле и утверждает, что дело его спасения или вечной гибели всецело зависит от божьей благодати и все поступки человека диктуются свыше. В учении о человеке («Большая этика», «Никомахова этика») Аристотель, напротив, утверждал, что человек свободен не только по своей воле избрать путь, но и научиться правильному пути, избавиться от заблуждений.

тателя незнакомым языком. Образованный человек должен знать, что святой Фома и все его современники, и все противники много веков спустя верили в бесов. В этом были согласны и протестанты, и католики, пока была хоть какая-то теология, и святой Фома отличался разве что своей умеренностью. Я не пишу о таких вещах не потому, что хочу их скрыть, а потому, что они не касаются того, о ком я пишу. И так очень трудно втиснуть такую громаду в маленькую книгу.

Глава I

О двух нищих братьях

Не так давно я написал небольшую книжку – примерно такую, как эта – о святом Франциске Ассизском, а немного позже обещал написать о святом Фоме Аквинском не иначе, то есть не длиннее. Обещание мое под стать Франциску лишь по своей поспешности и никак уж не под стать логичному Аквинату. Можно создать очерк о Франциске; Фоме подойдет только план, подобный плану лабиринта. Об Аквинате надо писать очень много или очень мало. То, что мы действительно знаем об его жизни, легко уместится на нескольких страницах, ибо, в отличие от Франциска, он не растворился в преданиях и легендах. То, что мы знаем, или можем узнать, или могли бы узнать об его деле, вероятно, займет в будущем еще больше книжных полок, чем заняло в прошлом. Святого Франциска можно обрисовать одним штрихом; когда пишешь о святом Фоме, все зависит от того, как заполнишь контур. В очерке о Франциске есть даже что-то средневековое, как в миниатюрах, украшавших книги о том, у кого само имя – уменьшительное³. Бессловесный Вол⁴ уме-

³ У кого само имя – уменьшительное – в итальянской традиции святой Франциск именуется «Франческо», это уменьшительная форма от «франк», т. е. француз.

стится в очерке не лучше, чем бык – в посудной лавке. И все же понадеемся, что очерк такой возможен, особенно теперь, когда охотно берутся за очерки всемирной истории или всего на свете.

Я сказал, что портреты эти – только контуры. Но оригиналы так не похожи друг на друга, что, увидь мы их на вершине далекого холма, они показались бы нам до смешного разными, словно рядом стоят Дон Кихот и Санчо Панса в монашеских одеждах или Фальстаф и Мозгляк⁵. Святой Франциск был маленький, сухонький, натянутый, как тетива, и стремительный, как стрела. Всю жизнь его кидало, швыряло – очертя голову ринулся он за нищим; сбросив платье, устремился в лес; ворвался в шатер султана и попросил себя сжечь. Наверное, он был похож на бурый осенний листок, пляшущий на ветру; похож он был и на ветер.

А Фома был тяжелый, как вол, толстый, медлительный и кроткий, очень кроткий и великодушный, но не слишком общительный. Застенчивость его была сильнее, чем того требует смирение, а рассеянность не пропадала и в промежутках между восхищениями, которые он тщательно скрывал.

⁴ Бессловесный Вол – ниже Честертон рассказывает, что в годы учения святой Фома получил это прозвище, потому что товарищи считали его тупицей. Для Честертона это прозвище важно еще и потому, что, по преданию, вол и осел присутствовали при рождении Христа.

⁵ Фальстаф – персонаж нескольких пьес Шекспира, в комедии «Виндзорские насмешницы» он сталкивается с Мозгляком. В отличие от тощего Мозгляка, Фальстаф – веселый толстяк.

Франциск был так пылок и порывист, что служители Церкви, перед которыми он внезапно возникал, порой считали его безумным. Фома был так бесстрастен, что студенты, с которыми он учился, считали его дураком. Он и впрямь принадлежал к тем немалочисленным школярам, которые готовы прослыть дураками, только бы дураки побойчее не мешали им думать. Франциск и Фома различны просто во всем. Франциск, как то ни странно, не доверял книгам, хотя пылко любил стихи. Фома книги любил, он ими жил; в сущности, он – тот школяр из Чосера, который предпочел бы сотню книг об Аристотеле всем сокровищам на свете⁶. Когда его спросили, за что он больше всего благодарен Богу, он ответил: «Я понял каждую страницу, которую читал». Франциск прекрасно слагал гимны, обобщал – с трудом. Фома писал всегда, он обобщил и языческую, и христианскую словесность, а для отдыха слагал гимн. Одну и ту же проблему они видели с разных сторон, Франциск – просто, Фома – сложно. Франциск верил, что, если он откроет сердце басурманам, они тут же отрекутся от своего Магомета. Фома мучительно вдавался в тончайшие оттенки мысли, рассуждая об абсолютном или об акциденциях⁷, только для того, чтобы магометане не ошибались, толкуя Аристотеля. Франциск был сыном ла-

⁶ Школяр – один из персонажей «Кентерберийских рассказов» Чосера, о его страсти к Аристотелю говорится в Прологе.

⁷ Акциденция – философский термин, означающий не-сущностное свойство (в отличие от субстанции).

вочника или небогатого торговца; и хотя вся его жизнь была мятежом против торгашеской жизни отца, в нем самом была какая-то бойкость, приспособляемость, общительность – все то, из-за чего рынок гудит, как улей. Он очень любил луга, но, как говорится, не давал траве расти у него под ногами. Фома пришел из мира, где мог бы наслаждаться праздностью, и труд навсегда сохранил для него блаженство досуга. Он был на редкость трудолюбив, но никому не пришло бы в голову счесть его деятельным. В нем были черты, отличающие тех, кто работает, когда вправе и не работать. Он родился вельможей, а любовь к покою может остаться привычкой, не будучи соблазном. У него были только лучшие черты знатных – врожденная учтивость, например, большое терпение. Прежде чем стать святым, каждый бывает просто человеком. Стать святым волен каждый человеческий тип, а мы вольны выбирать, какой нам ближе. И вот признаюсь: романтическая слава Франциска ничуть не меркнет для меня, но с годами я все больше люблю грузного человека, несомненно, обладавшего и милостью, и мудростью, как обладают наследственным замком, и гостеприимно, хотя и рассеянно, делившегося ими. Святой Франциск – не от мира сего; и все же, иногда, он слишком для меня боек.

Интерес к святому Фоме возник внезапно в наших колледжах и салонах – вряд ли он мог возникнуть даже десять лет назад, и причины, породившие его, совсем не те, что породили лет на двадцать раньше интерес к святому Франциску.

Святой исцеляет, ибо он – противоядие. Он и мучеником становится, потому что противоядие мучительно, как яд. Обычно он возвращает миру здоровье, преувеличивая то, о чем мир забыл, в каждом веке – разное. Каждое поколение ищет своего святого и, ведóмое чутьем, находит не того, кого хотело бы, а того, кто нужен. «Вы – соль земли», – сказал Христос первым святым⁸. Теперь мы так превратно понимаем эти слова, что бывший кайзер⁹ применил их к своим подданным, куда больше похожим на бифштекс. Но соль предохраняет мясо от порчи не потому, что на него похожа, а потому, что она – совсем иная. Христос не говорил апостолам, что они прекрасные люди и других хороших людей на свете нет. Он сказал, что они особенные, что они не похожи на всех, потому эти строки остры и резки, как сама соль. «Если соль потеряет вкус, чем сделаешь ее соленою?»¹⁰ Вопрос этот намного более жесток, чем сетования на то, что хорошее мясо дорого и его нелегко найти. Если мир становится слишком мирским, Церковь бросает ему вызов. Если слишком мирской становится Церковь, миру этот вызов не по плечу.

Парадокс истории в том, что каждое поколение людей спа-

⁸ Мф. V, 13.

⁹ Бывший кайзер – Вильгельм II (1859–1941), германский император (с 1888 г.), свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. Честертон намекает на жертвы Первой мировой войны.

¹⁰ Мф. V, 13.

сает святой, ничуть на них не похожий. Викторианцев странно и неудержимо влекло к святому Франциску – их, англичан XIX века, казалось бы, вполне довольных своей торговлей и своим здравомыслием. Не только вполне благодушный Мэтью Арнольд, но те либералы, чье благодушие было для него чрезмерным, медленно открывали тайну средневековья сквозь перья и пламя странной легенды, рассказанной Джотто¹¹. Что-то в святом Франциске пробило самые известные и нелестные свойства английской души и вышли на поверхность другие, лучшие – скрытая доброта, мечтательная рассеянность, любовь к животным и пейзажам. Святого Франциска, единственного из средневековых святых, полюбили у нас за личные качества. Викторианцы почувствовали, что именно этих добродетелей не хватает их эпохе. Наш «средний класс» обрел своего миссионера в том, кого особенно презирал, – в нищем итальянце.

Девятнадцатый век ухватился за романтику францисканства, потому что в нем самом романтики не было. Двадцатый хватается за разумное богословие томизма, потому что в нем самом нет разумности. В чересчур благодушный мир христианство вернулось в образе бродяги; в мир, сходящий с ума, оно возвращается в образе учителя логики. Современники Герберта Спенсера искали лекарства от несварения, современники Эйнштейна ищут лекарства от головокруже-

¹¹ О какой легенде идет речь, неизвестно. Возможно, Честертон имеет в виду портрет Франциска работы Джотто.

ний¹². Наши деды смутно почувствовали, что Франциск сложил гимн солнцу после долгого поста; мы чувствуем не менее смутно: прежде чем понять Эйнштейна, надо поверить, что вообще стоит понимать. Мы начинаем наконец догадываться, что если XVIII век считал себя веком разума, а XIX – веком здравого смысла, то XX может назвать себя разве что веком нездоровой бессмыслицы. В таких случаях миру необходим святой, но прежде всего необходим философ. Отдадим поколениям должное – и прежде, и теперь они выбрали правильно. Земля была слишком плоской для тех, кто особенно рьяно утверждал, что она круглая, и Альверно – гора стигматов возвышалась на ней, как на равнине. Для тех, кто отверг Ньютона заодно с Птолемеем¹³, земля вообще не земля, а беспрерывное, бессмысленное и, видимо, бесконечное

¹² Современники Спенсера «искали лекарства от несварения», пресытившись всеми видами социальных теорий, ни одну не принимая слишком близко к сердцу. XX век – век Эйнштейна – сошел с ума, пытаясь воплотить свои теории в жизнь – ему нужно «лекарство от головокружения». Честертон выбирает Эйнштейна как опознавательный знак этой эпохи, поскольку физико-космогонические теории этих двух философов характерны для их времени. Спенсер представлял себе бесконечную однородную механически эволюционирующую Вселенную. Теория относительности, созданная Эйнштейном, описывает искривленное пространство, лишенное привычных пропорций.

¹³ Птолемей Клавдий (90–160) – древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира. В этой системе планеты, Солнце и звезды вращаются вокруг неподвижной Земли. Ньютон Исаак (1643–1727) – английский философ, физик и математик, основатель классической физики. И Птолемей, и Ньютон исходили из представления об абсолютности пространства и времени, отвергнутого теорией относительности Эйнштейна.

землетрясение. Им уж не до гор – кусочек устойчивой почвы под ногами невероятней для них, чем любая гора. Так двое святых воззвали к двум векам, к веку романтиков и к веку скептиков. Но и в своем XIII веке они делали то же дело, и оно изменило мир.

Могут сказать, что все наше сравнение ни к чему, потому что эти два человека принадлежали к разным поколениям и жили, собственно говоря, в разное время. Небесными близнецами¹⁴ были святой Франциск и святой Доминик. Святого Франциска и святого Фому можно назвать в крайнем случае дядей и племянником. Святой Фома был истинным первенцем Доминика, как друг его Бонавентура был первенцем святого Франциска. И все же у меня есть причина (точнее, две причины) сравнивать святого Фому именно со святым Франциском, а не с Бонавентурой-францисканцем. Это сравнение приводит нас самым коротким путем к вопросу о жизни и деле Аквината. Большинство людей грубо, но довольно четко представляют себе жизнь и дело Франциска. И легче всего рассказать о другом монахе, если скажешь: как бы ни отличались друг от друга эти двое святых, они делали одно дело: один – в мире разума, другой – в мире обычной жизни. Но это было одно и то же великое дело, которое так и не поняли в Новое время. Оно было важнее Реформации. В сущности,

¹⁴ Небесные близнецы – в греко-римской мифологии сыновья Зевса Кастор и Поллукс, превратившиеся в созвездие Близнецов. В переносном смысле – неразлучная пара. В Англии это выражение стало популярным благодаря роману Сары Грант «Небесные близнецы» (1893).

оно и было реформацией.

Когда мы говорим об этом движении средневековья, мы должны в первую очередь подчеркнуть две его особенности. Во-первых, несмотря на все, что наговорили о суевериях, Темных веках и сухой схоластике, это движение, в любом смысле слова, вело к большему свету и даже к большей свободе. Во-вторых, несмотря на все, что наговорили о прогрессе и Возрождении и о предтечах современной мысли, это движение почти всегда было правоверным, христианским, оно шло изнутри. В нем не было компромисса ни с миром, ни с язычниками или еретиками. Оно было подобно растению, которое пробивается к солнцу, а не узнику, который выпускает дневной свет в тюремную камеру.

Короче говоря, это было то самое, что называют развитием доктрины. Теперь не совсем понимают термин «развитие». Противники католического богословия, кажется, полагают, что оно не столько развивает христианство, сколько бежит от него или, в лучшем случае, приспособливает его к чему-то другому. Но слово «развитие» значит совсем не это. Когда мы говорим, что щенок развивается, мы совсем не имеем в виду, что он пошел на компромисс с кошкой, – мы просто хотим сказать, что он становится собакой. Когда мы говорим, что ребенок хорошо развит, мы хотим сказать, что он стал больше и сильнее, а не что его обложили подушками и поставили на ходули. Развитие – это развертывание всех возможностей доктрины. Развиваясь, средневековая теоло-

гия все полнее постигала христианство. Это очень важно понять, потому что общее дело великого доминиканца и первого францисканца, в высшей степени гуманного и естественного, было истинным развитием высшей доктрины, догмы всех догм. Вот почему народная поэзия Франциска и почти рационалистическая проза Фомы – части одного дела. И та и другая – великие ветви католического древа, и зависели они от внешних явлений постольку, поскольку все новое и растущее зависит от них, – они всасывали их и преображали, но продолжали расти в своем собственном образе, а не в чужом. Святой Франциск был рад называть себя трубадуром Господним – но его не радовал бог трубадуров. Святой Фома не примирял Христа с Аристотелем – он примирил Аристотеля с Христом.

Да, несмотря на контраст, столь же явный и смешной, как контраст между толстым человеком и тощим или между высоким и низеньким; несмотря на контраст между бродягой и ученым, между нищим и вельможей, между противником книг и их поклонником, между самым пылким из миссионеров и кротчайшим из учителей, великая истина средневековья заключается в том, что оба они делали одно дело: Франциск – на улице, Фома – в келье. Они не вносили в христианство ничего внешнего, еретического, языческого – они несли христианство в мир и при этом использовали то, что многим казалось ересью или язычеством. Франциск обратился к природе, Фома – к Аристотелю; и многим казалось, что

они поклонились языческой богине и языческому мудрецу. Что сделали они, особенно что сделал Фома, я и собираюсь рассказать. Но я сравниваю его с самым популярным из святых, потому что так проще всего популярно изложить суть дела. Может быть, покажется слишком парадоксальным, если я скажу, что эти двое святых спасли нас от излишней духовности (страшная участь!). Может быть, меня не поймут, если я скажу, что святой Франциск, при всей своей любви к животным, спас нас от буддизма, а святой Фома, при всей любви к грекам, спас от Платона. Но лучше высказать истину в самой простой форме. Они заново утвердили Воплощение, вернув Бога на землю.

Мы еще увидим, что чисто духовная или мистическая сторона веры заняла слишком большое место в первые века христианства благодаря гению Августина, который прежде был платоником и, может быть, так и не порвал с Платоном; благодаря запредельности Псевдо-Дионисия¹⁵; благодаря тому, что поздняя империя склонялась к Востоку, и было что-то азиатское в жреческих императорах Византии. Все это придавило то, что мы называем духом западным, хотя по праву его можно назвать просто христианским, ибо его здравый смысл свято и просто связан с Воплощением. Как бы то ни

¹⁵ Псевдо-Дионисий – неизвестный автор V в. н. э., много веков отождествлявшийся с Дионисием Ареопагитом, афинянином I в., крещенным апостолом Павлом. Псевдо-Дионисий – автор трактатов в духе неоплатонизма «Священная иерархия», «Божественные имена» и др., пользовавшихся большим влиянием в Средневековье.

было, пока достаточно заметить, что богословы несколько закоснели в гордыне платоновского толка, — они гордились тем, что владеют истинами, которых нельзя ни потрогать, ни перевести, словно у их мудрости не было никаких корней в этом мире. И вот прежде всего (никак не после!) Аквинат сказал им примерно так:

«Не мне, бедному монаху, оспаривать у вас алмазы мудрости, очерченные по самым строгим правилам и сверкающие небесным светом. Да, вы владеете ими, они есть до того, как мы успели подумать, не говоря уж о том, чтобы потрогать или послушать. Но я не стыжусь признаться, что мой разум питается моими чувствами. Тем, что я думаю, я обязан во многом тому, что я вижу, обоняю, слышу, трогаю; и, пользуясь разумом, я вынужден считать действительной эту действительность. Словом, я не верю, что Бог создал человека только для тонких, возвышенных, отвлеченных размышлений, которым вам дано предаваться. Я верю, что есть промежуточный мир фактов, которые через чувства становятся материалом мысли, и что в этом мире властвует разум, представитель Бога в человеке. Люди ниже, чем ангелы, но выше, чем животные, и все, что мы видим вокруг себя. Конечно, человек может быть и вещью, даже очень жалкой вещью. Но то, что сделал Человек, могут делать люди. И если древний язычник Аристотель поможет мне это доказать, я поблагодарю его со всем смирением».

Так началось то, что обычно называют обращением Ак-

вина к Аристотелю, а можно назвать обращением к разуму и к авторитету чувств. Видите, как это похоже на то, что Франциск слушал не только ангелов, но и птиц. Прежде чем мы подойдем к чисто умственной деятельности святого Фомы, надо понять одну его нравственную черту: кроткое, простодушное смирение. Он готов видеть в себе почти животное – так святой Франциск сравнил свое тело с ослом. Кстати, контраст проявился и в этих метафорах: Франциск похож на простого ослика, который привез Христа в Иерусалим¹⁶; Фому прозвали волем, но он скорее похож на быка или на чудище из Откровения, почти ассирийского быка с крыльями¹⁷. И снова этот контраст не должен закрывать общего. Оба они, в своем смирении, славили Спасителя, как ослик и вол в вифлеемских яслях.

Конечно, кроме апологии здравого смысла, питаемого пятью чувствами, у святого Фомы было много других важных и сложных идей. Но сейчас я говорю не о том, что есть у Фомы, а о том, что есть в христианстве. Именно по этому поводу теперь пишут особенно много чепухи. Наши современники приняли без доказательств, что всякий шаг к свободе уводит от веры к безбожию, и начисто забыли одну очень важную черту веры.

¹⁶ Во исполнение древнего пророчества, Христос въехал в Иерусалим верхом на молодом ослике (Мк. XI).

¹⁷ В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) описано несколько «чудищ», в том числе «семиглавый зверь с десятью рогами» (гл. XIII); изображение шестикрылого быка – обычный мотив ассирийских барельефов.

Невозможно больше скрывать, что святой Фома Аквинат был одним из великих освободителей разума. Сектанты XVI и XVII веков – редкостные мракобесы – лелеяли легенду о мракобесии Фомы. В XIX веке это еще сходило, в XX не сойдет. Тут дело не в теологии, дело в исторической правде, которая стала понемногу проявляться по мере того, как стихают старые распри. Святой Фома – тот великий человек, который примирил веру с разумом, с опытом, с науками; он учил, что чувства – окна души, что разуму дано божественное право питаться фактами; что только религии по зубам твердая пища труднейшей и самой здоровой из языческих философий¹⁸. Именно он боролся за просвещение и свободу яростней, чем все его соперники и даже последователи. Если мы честно признаем, к чему привела Реформация, нам придется признать, что Аквинат и был реформатором, а те, кого так обычно зовут, – реакционерами, даже если смотреть на них не с моей, а с современной, прогрессивной точки зрения. Так, они боролись за букву древнееврейского Писания, когда Фома¹⁹ говорил о духе, оживотворявшем греческую мудрость. Он говорил о долге дел, они – лишь о долге веры. И

¹⁸ Только религии по зубам твердая пища труднейшей и самой здоровой из языческих философий – аллюзия на библейский текст «Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. V, 14).

¹⁹ Фома Аквинский в своих трудах часто ссылается на Платона и Аристотеля, полагая, что и в греческой мудрости есть дух истины. Противники Фомы упрекали его в том, что он цитирует язычников наравне со Священным Писанием.

наконец, он учил доверять разуму, тогда как они учили, что разуму верить нельзя.

Но тут возникает еще одна опасность. Признав все это, нестойкие души могут броситься в другую крайность. Те, кто обвинял Фому в догматизме, признают в нем противника догмы. Они кинутся украшать его статуи увядшими венками прогресса, скажут, что он обогнал свой век (что, как известно, значит «догнал наш»), и незаслуженно назовут его отцом современной мысли. Он понравится им, и они решат, что он на них похож, — как же иначе, если он может нравиться! Это бы еще ничего, все это было с Франциском. Но даже вольнодумцу не пришло в голову, что Франциск не верил в Бога и не подражал Христу. Он так же раскрепостился и очеловечил веру, как святой Фома, только через воображение, не через разум. Но никто не скажет, что он распускал людей, тогда как он их стягивал, как стягивал веревкой свою одежду. Никто не скажет, что он расчищал дорогу скепсису, или только предвосхищал Возрождение, или прокладывал путь рационализму. Ни один биограф не напишет, что Франциск гадал не на Евангелии, а на «Энеиде», сложил гимн солнцу из поклонения Аполлону или любил птиц в подражание римским авгурам.

Короче говоря, и христиане и неверующие признают, что святого Франциска вела прежде всего простая (или, если хотите, отсталая) вера в Христа и христианство. Никто, как я уже сказал, не заподозрит, что он черпал вдохновение из

Овидия²⁰. Точно так же неверно, что Аквинат черпал вдохновение из Аристотеля. Вся его жизнь, его детство, юность, выбор пути показывают, как он был набожен и как страстно любил веру, еще не зная, что призван за нее бороться. Почему-то забыли, что, освящая чувства и простые, здешние вещи, и Фома, и Франциск оба подражали Тому, кто не был ни Аристотелем, ни Овидием. Они подражали Ему, когда Франциск смиренно был со зверями, а Фома благородно спорил с языками²¹.

Те, кто этого не заметил, не понимают веры, даже если она для них – только суеверие. Они упускают самую суть того, что им кажется особенно суеверным. Я говорю о немыслимой истории Богочеловека. Многих трогает, что святой Франциск так просто, «неучёно» взывает к Евангелию. Их учили, что он учился у цветов и птиц, словно это связано только с язычеством Возрождения, хотя трудно не увидеть, что это восходит к Новому завету, указывает на богословие святого Фомы. Им смутно кажется, что гуманизировать божественное – то же самое, что смешивать его с язычеством,

²⁰ Овидий – Публий Овидий Назон (43 до н. э. – 18 н. э.) – римский поэт, «певец любви». Так же, как и в предыдущем абзаце, Честертон противопоставляет «любовь к Богу» Франциска и языческое чувство (любовь-наслаждение), воспетое Овидием и Вергилием.

²¹ Они подражали Ему, когда Франциск смиренно был со зверями, а Фома благородно спорил с языками – «был со зверями» Христос во время сорокадневного поста в пустыне (Мк. I, 13). Языки – язычники, в том числе и мусульмане, и отпавшие от ортодоксального христианства еретики; имеется в виду «Сумма против язычников» Фомы Аквинского.

но они забывают, что связь Бога и человека – важнейшая и невероятнейшая догма во всем Символе Веры. Когда святой Франциск смотрел на лилии в поле или на птиц небесных, он был похож на Христа, а не на Будду. И Фома был похож на Христа, а не только на Аристотеля, когда учил, что и Бог, и Его образ и подобие связаны через материю с этим миром. Оба святых были гуманистами в самом прямом значении слова: они настаивали на огромном значении человека в богословской иерархии. Но они – не гуманисты Возрождения, они не шли дорогой прогресса к современной мысли и повальному скепсису, потому что твердо верили в догму, в которую теперь не верят, и укрепляли поразительную доктрину Воплощения, которая скептикам не под силу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.